

УДК 82-32; 23/28

<https://elibrary.ru/hlreqy>

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА В АСПЕКТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗБРАННЫХ РАССКАЗОВ 1920-Х ГГ.)

Священник Евгений Михайлович Дынич
аспирант кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Московская область,
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра,
Московская духовная академия
E-mail: rattel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

Для цитирования: Дынич Е. М., священник. Изображение революции в прозе И. А. Бунина в аспекте христианской духовной культуры (на материале избранных рассказов 1920-х гг.). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_227. EDN: HLREQY // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 2 (23). С. 227–247.

Аннотация

Статья посвящена исследованию восприятия революции в прозе И. А. Бунина в библейском контексте. Материалом исследования стали рассказы И. А. Бунина, созданные в 1920-х гг. и ставшие художественным воплощением размышлений писателя о русской революции. В художественной прозе так же, как и в публицистических произведениях о русской революции, И. А. Бунин использует основные элементы христианской словесной культуры: библейские и богослужебные аллюзии и цитаты. В связи с этим в данной работе были применены описательный, мотивный, стилистический и мифологический методы исследования. Был проведен сравнительный анализ тематически смежных рассказов и философско-публицистических произведений И. А. Бунина.

В результате исследования показано, что библейский контекст изученных произведений задает масштаб осмысления революционных событий как части Священной истории – истории взаимоотношений человека с Богом. Настоящий исторический момент воспринимается как кризис-

ный: в портретах персонажей изученных рассказов прослеживаются разные проявления духовной болезни человека рубежа XIX–XX вв. Основные черты этой болезни (эгоцентризм, безверие, бездарность, жестокость, безумие, рационализм) совпадают с картиной, представленной в «Окаженных днях», и дополняют ее. Это же касается положительной стороны мировосприятия, а именно бунинских идеалов красоты и человеческого достоинства: описания прекрасной природы, архитектуры, людей занимают важное место в рассказах, нередко совпадая по эмоциональной тональности и форме с дневниковыми записями.

Исследование демонстрирует, каким образом рассказы И. А. Бунина соотносятся с его философско-публицистическими произведениями о революции в идейной и образной сферах. Выявлено, что этические и эстетические константы творчества И. А. Бунина претерпевают трансформацию в плане выражения в рамках иных художественных форм прозы, однако, по существу, остаются теми же.

Ключевые слова: И. А. Бунин; рассказы; проза 1920-х гг.; русская революция; библейский контекст; христианская традиция в русской литературе.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что столь сложное, противоречивое и драматическое время русской и мировой истории, каковым является рубеж 1910–1920-х гг., и сейчас нуждается в осмыслении. Свидетельства же И. А. Бунина о революции – и документальные, и художественные – представляют собой предмет особого научного интереса, поскольку их автор по праву считается великим русским писателем, мастером слова. Важно еще и то, что Бунин занимал крайнюю позицию неприятия большевистской деятельности, яростно и открыто об этом говорил, и пафос обличения в его произведениях во многом касается именно духовной сути происходящих бедствий, раскрываемой, как правило, в библейском контексте – с помощью цитат, аллюзий, сравнений и метафор. На стыке перечисленных явлений, соединившихся в предмете нашего исследования, – а именно писательского мастерства Бунина, его духовной и эстетической взыскательности, его политической и религиозной позиции по отношению к драме русской революции – возникает поле для решения исследовательских задач в достаточно малоизученной сфере рассмотрения христианской

традиции в русской литературе. Библия в данном случае выступает как текст, аккумулирующий в себе те смыслы и архетипы, которые составляют доминирующую духовно-эстетическую систему координат И. А. Бунина и основу его эмоционально-личного, историософского и творческого переживания событий русской революции.

В данной работе в фокусе внимания оказывается не только корпус текстов рассказов И. А. Бунина, но и сам процесс трансформации и взаимопроникновения суждений и образов между двумя формами выражения данных переживаний – публицистической и художественной, что также составляет определенную научную новизну статьи. В нашей работе были использованы следующие, обусловленные материалом и предметом исследования, методы: сравнительный, описательный, мотивный, стилистический и мифологический. Область практического применения результатов исследования – педагогическая и миссионерская деятельность, улучшение и углубление содержания которых достигается, в том числе, повышением качества опорного материала.

Сочинения И. А. Бунина – прекрасный образец литературного мастерства и духовной жажды, и понимание проблематики и поэтики его произведений о русской революции в историческом и религиозном контексте может стать хорошим подспорьем для решения вышеперечисленных практических задач.

Основная часть

Материалом данной работы стали избранные рассказы, созданные Буниным в 1920-х гг. и представляющие собой художественное воплощение реакции автора на пережитые им драматические события 1917-го – начала 1920-х гг. Настоящая статья является продолжением исследования прозы И. А. Бунина 1920-х гг., посвященной размышлениям и переживаниям о событиях русской революции в библейском контексте. В предыдущей, первой части исследования было рассмотрено философско-публицистическое произведение «Окаянные дни» [1].

Исследователь библейско-христианской проблематики в творчестве И. А. Бунина В. Д. Агафонова приходит в своих трудах к выводу о том, что «среди многочисленных обращений Бунина к библейской образности ее ветхозаветный пласт в интерпретации

писателя – наиболее широкий» [2, с. 19]. Внимание к текстам Ветхого Завета и восхищение не только содержанием, но и совершенством их словесной красоты особенно характерно для Бунина в революционное и пореволюционное время. Например, в «Окаянных днях» Бунин приводит слова из книги пророка Иеремии [3, с. 281], а цитируя 79-й псалом в некрологе «Его вечной памяти. К годовщине гибели адм. А. В. Колчака», пишет: *«Ничего не могу прибавить к этим изумительным ветхозаветным строкам»* [4, с. 354]. И это только некоторые из огромного количества примеров. Новозаветная и литургическая образность, предметы церковного обихода также занимают, по словам В. Д. Агафоновой, важное место в творчестве Бунина [2, с. 20–24]. В этом плане выбранный для исследования материал не является исключением, наоборот, в силу своей проблематики демонстрирует эту черту в особенно показательном окружении и ярко выраженных формах.

Известно, что для И. А. Бунина события революционных лет, когда так стремительно исчезла прежняя Россия с ее материальными и духовными богатствами, стали личной катастрофой и свидетельством о колоссальном нравственном падении русского народа. В первую очередь это отражено в его философско-публицистическом произведении «Окаянные дни» и в других публицистических выступлениях в эмигрантской печати («Красный гимн», «Пресловутая свинья», «Страшные контрасты», «В этот день», «Не могу говорить», «Из «Великого дурмана»», «Российская человечина», «Миссия русской эмиграции» и многие другие [4, с. 279–412]).

Великое множество горьких и непримиримых, исполненных ненависти и отвращения слов было сказано Буниным о революции – «страшной болезни», начало которой Бунин почувствовал «летом семнадцатого года». Третьего ноября этого года, по словам Бунина, *«Каин России, с безумно-радостным остервенением бросивший за тридцать серебряников уже всю свою душу под ноги наемных злодеев, восторжествовал полностью»* [4, с. 288]. На примере этой цитаты видно, как в одном предложении Бунин с помощью ветхозаветных и евангельских аллюзий емко характеризует свое восприятие революции: имя первого убийцы Каина соединяется с предателем Христа Иудой, самое начало Священной истории – с земной жизнью Иисуса Христа, и все это – с настоящим моментом истории России. Данная цепочка смыслов свидетельствует о том, что в по-

нимании Бунина природа зла на протяжении веков и тысячелетий остается неизменной, и русская революция не является чем-то новым, она лишь очередное воплощение древней человеческой падшести. *«История повторяется, но нигде, кажется, не повторяется она так, как у нас, и не Бог весть сколько оснований давала ее азбука для розовых надежд. Но мы эту азбуку сознательно и бессознательно запамятовали»* [4, с. 309], – утверждает Бунин, вспоминая Смутное время, восстание Степана Разина, Пугачевский бунт [4, с. 308–309, 368–369]. Новым, по словам Бунина, является невиданный ранее масштаб революционной разрушительности и «мерзости».

Синхронные событиям революционного времени наблюдения из дневниковых записей в «Окаянных днях» и образы, задействованные в публицистических выступлениях Бунина, написанных уже в эмиграции, впоследствии перешли в его художественную прозу. В таких рассказах, как «Безумный художник» (1921 г.), «Конец» (1921 г.), «Косцы» (1921 г.), «Несрочная весна» (1923 г.), «Красный генерал» (1924 г.), «Товарищ дозорный» (1924 г.), «Слепой» (1924 г.), «Под серпом и молотом» (1930 г.), «Русь, града взыскающая» (1927–1930 гг.) мы видим продолжение размышлений автора о русской революции в негативно-апокалиптическом ключе.

С этой точки зрения особенно показателен рассказ «Безумный художник» [5, с. 163–171], поскольку в нем опосредованно, через развернутую метафору, данную в форме «апокалиптического» экфрасиса [6], раскрывается суть переживаний и суждений автора о событиях 1910-х – начала 1920-х гг. По словам В. Д. Агафоновой, в этом рассказе «писатель показывает “творца” несущим в мир зло и разрушение, пусть и вопреки собственной воле, что можно отнести не только к символистам, но и к русской предреволюционной интеллигенции в целом. В определении “безумный”, характеризующем бунинского героя, выражается итог размышлений писателя о сути попыток перестроить жизнь» [7, с. 50]. Герой рассказа – художник, одержимый идеей создания величайшего шедевра, представляющегося ему как бесконечно светлая сцена Рождества с изображением торжествующего Бога-Отца, Богородицы и Младенца. Календарное время в рассказе имеет символическое значение – это канун Рождества, 24 декабря 1916 г. Рассказ пронизан цитатами из рождественских и пасхальных гимнографических текстов.

В то же время с самого начала рассказа светлые образы обретают зловецкие тона. Из отрывочных слов художника выясняется, что он боится часовен, церквей, кладбищ, поскольку они ассоциируются у него с пережитой им в путешествии утратой – смертью жены и новорожденного ребенка. Важно то, что путешествие, которое художник называет «страшной Одиссеей» (жена его была беременной, шла Первая мировая война), они предприняли ради создания этой картины, посвященной «рождению нового человека». Для Бунина словосочетание «новый человек», что видно и из текста «Окаянных дней», несет в себе негативный смысл обманчивости надежд на революционные преобразования, основанные на человеческой самонадеянности и ложной, безбожной идеологии. Из рассказа следует, что художник сам стал причиной гибели своей жены и ребенка, поскольку его одержимость идеей создания картины и втянула их в тяжелое путешествие, ставшее причиной смерти будущей матери и младенца. С тех пор дом Бога – храм – для художника превратился в дом смерти, и все вокруг героя подвержено подобной перемене на противоположное: он собирался писать картину при ярком свете прекрасного зимнего дня, но уснул, и в итоге создавал ее ночью, при свечах: *«Комната приняла странный, праздничный, но и зловецкий вид от этого обилия огня. Окна почернели»* [5, с. 168]. Художнику представляется сцена рождения человека, однако ради вдохновения он считает необходимым вопреки страху посмотреть на фотографию гробов своей жены и ребенка.

Финал рассказа – это описание того, что создал в итоге безумный художник, возмнивший себя творцом, демиургом: *«На картоне же, сплошь расцвеченном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, черно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удавленниками чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец. Низ же картины являл беспорядочную груды мерт-*

вых – и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц. И лица эти, ощеренные, клыкастые, с глазами, выкатившимися из орбит, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастием братоубийства, что их можно было признать скорее за лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не за человеческие» [5, с. 171]. Рождество оборачивается Распятием, Страстной пятницей, когда нет еще благой вести о Воскресении – Христос мертв, побежден людской злобой и смертью. В открытом письме к редактору газеты «Таймс» («Суп из человеческих пальцев» [4, с. 328–332]) Бунин как бы повторяет это сравнение в максимально сжатом виде: «...мы, погибающие в эмиграции, в несказанной муке за **Россию, превращенную в необъятное Лобное место**» [4, с. 330]. Подобное совпадение нам представляется не случайным, так как оно свидетельствует об устойчивости круга страшных библейских образов, с которыми Бунин связывает происходящее в России. Семантические ряды, связанные с уродством, кровавостью, звероподобием, и особенно мотив братоубийства также вполне однозначно соотносятся со всем, что было сказано в статье об изображении революции в «Окаянных днях» [1].

В картине, созданной безумным художником, Бунин обличает безумие человека начала XX в. в его желании своим ограниченным человеческим разумением заменить истинного Творца, стать «демиургом», на деле превратившимся в слугу смерти, виновника войн, любая из которых в христианском понимании является братоубийственной. Исходя из совпадения указанных выше семантических рядов, можно сказать, что русская революция и весь комплекс окруживших ее социальных потрясений (Первая мировая война, гражданская война, красный террор, голод и т. д.) в рассказе Бунина метафорически названы творением некоего «безумного художника», олицетворяющего ту часть европейской цивилизации, которая пошла по пути безбожия и антропоцентризма. Духовная опасность подобного мировоззрения в этом рассказе как бы «замаскирована» религиозной темой задуманной картины, но, с точки зрения автора, отношение к природе творчества куда важнее выбранной темы, поскольку художественный талант – сила, которая может либо привести человека к Богу, либо увести от Него.

В большинстве перечисленных рассказов Бунин обращается к изображению дореволюционного времени – это рассказы-

воспоминания. Дореволюционная Россия в произведениях Бунина предстает как обитель святости и красоты, всего благого («Косцы», «Несрочная весна», «Под серпом и молотом», «Святитель»). Чувство глубокого умиления перед степенью нравственной чистоты, доступной русскому человеку, полемичное по отношению к упрекам в «лютой ненависти к своему народу», в «аристократизме и замкнутости», звучащим в адрес Бунина [4, с. 396], особенно сильно ощущается в рассказе «Святитель»:

«...Так и пишется он [святитель Дмитрий Ростовский] на одном древнем образе. И был этот образ самым заветным у одного святого, нам почти современного, – простого тамбовского мужика. И, молясь перед ним, так обращался он к великому и славному святителю:

– Митюшка, милый!

Только один Господь ведает меру неизреченной красоты русской души» [5, с. 232].

Как пишет Т. И. Скрипникова, «в рассказах И. А. Бунина эмигрантского периода тема крестьянства получает принципиально иные формы художественного осмысления – форму мифа. Как и в раннем творчестве писателя, возникает образ былинной России, но по-иному: если ранее в “былинной” Руси реальность пространства и времени была физически осязаема, то в порубежном времени “теперь”, во власти “окаянных дней” прежняя Россия оказалась потерянной навсегда, “миновавшей как сказка”, поэтому автор на основе мифологизации создает “умопостигаемый” образ сказочной России» [8, с. 21]. «Неизреченная красота» и неоцененное счастье дореволюционной русской жизни предстает в рассказе «Косцы» [5, с. 192–196], который, по словам И. С. Урюпина, «поражает не только фактографичностью и фотографичностью образов “серединой России”, орловско-елецкого духовно-культурного и вместе с тем природно-онтологического пространства, но и проникновением в глубины народной ментальности с ее укорененностью в вековых песенных, былинных, сказочных традициях» [9, с. 220–221].

В рассказе разворачивается картина из прошлого, из повседневной трудовой жизни среди «полей, глуши серединой, исконной» деревенской России, которую среди интеллигенции, по мнению Бунина, мало кто знал и понимал, и в этом «младенческом неведении или нежелании ведения относительно своего собственного наро-

да» [4, с. 318] была для Бунина особая боль и горечь, причем это явление он осмыслял именно через понятие *греха*. Приведем здесь для наглядности несколько важных, по нашему мнению, и характерных цитат из бунинской публицистики:

«Но помимо всех этих качеств, равно как и многих других, низких и корыстных, есть и другие тяжкие грехи на всех тех, что вольно и невольно содействовали всему тому кровавому безобразию и ужасу, среди которых мы живем уже третий год: отрешенность от живой действительности, незнание ее и даже нежелание знать ее» [4, с. 311].

«А ведь как топали на меня ногами мои критики, и что бы сказал про меня, например, критик Скабичевский, разбиравший всю жизнь произведения о народе и однажды признавшийся мне с идиотической радостью, что он никогда за всю жизнь не видал ржаного поля!» [4, с. 313].

«Я касаюсь литературы, ее деятелей, ее знатоков и изображителей народа потому, что все те, которые так много способствовали всему тому, что случилось, и большинство которых еще и теперь, вольно и невольно, способствует продолжению этого случившегося, весьма и весьма питались в своих идеологиях и в своих знаниях о народе именно литературой. А литература эта была за последние десятилетия ужасна. Деды и отцы наши, начавшие и прославившие русскую литературу <...> знали свой народ, они не могли не знать его, живя с ним в такой близости, они были плоть от плоти, кость от кости своего народа и не имели нужды быть корыстными и несвободными в своих изображениях его, и все это недурно доказали и Пушкин, Лермонтов и Толстой, и многие прочие» [4, с. 313–314].

«А дальше что? А дальше уже нечто ужасное по литературицине, по дурному тону, по лживости, по лубку, – дальше Скиталец, Горький, тот самый Горький, который на моих глазах, в течение целых двадцати лет, буквально ни разу, ни единого дня не был в деревне, не был даже в уездном городе, если исключить один месяц в Арзамасе, и даже после восьмилетнего пребывания на Капри шагу не сделал, возвратясь в Россию, дальше Москвы, а все пишет да пишет на героический лад о русском народе, ушибая критика и читателя своей наигранной внушительностью, своим литературным басом, своей “красочностью”...»

О народе вдали по шаблону, в угоду традициям, дабы не прослыть обскурантом и благодаря круглому невежеству относительно народа, и особенно вдала литература, этот главный источник знания о народе для интеллигенции, та невежественная и безграмотная литература последних десятилетий, которая уже спокойно заносит теперь в число своих изображений деревни описание “колосистого пшена”, “цветущей поляны”, “голубей, сидящих на березах”, цветов, которые “поспевают” в саду, – та литература, которую Толстой очень часто называл “пересоленной карикатурой на глупость”, “сплошной подделкой под художество”, сплошной фальшью» [4, с. 315].

Итак, создается ощущение, что одной из художественных задач, которые Бунин решает в рассказе «Косцы» и других своих изображениях русской деревни, было именно противодействие и противопоставление своего творчества этому незнанию и литературной лживости. Здесь как будто подспудно проходит мысль о том, что если бы интеллигенция не была столь отрешена от действительности, столь невежественна, то страшная, кровавая, «нелепая» русская революция была бы невозможна. Революционный погром, бесчисленные убийства – все это, по мнению Бунина, было совершено ради выдумки, химеры. И тем значительнее для Бунина изображение минувшего счастья той настоящей, осязаемой жизни, когда *«казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – и благословенной – Богом стране»* [5, с. 192–193]. Страна эта, подобно райскому саду или грядущему Царству Божию, представлялась вечной. В своей сказочности и красоте прежняя Россия предстает как образ «потерянного рая», и в начале рассказа Бунин, предваряя мастерские, «любовные» описания ее прекрасной природы, ставит горькое «воздыхание»: *«Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже веками»* [5, с. 192]. В финале рассказа мы узнаем почему.

Сюжетная составляющая рассказа «Косцы» крайне мала – это зарисовка о встрече повествователя в сенокосную пору в родной ему Орловской губернии с рязанскими мужиками, ходившими на заработки. Во время косьбы батраки поют свою, народную песню. Повествователь же погружен в красоту природы и пение рязанских косцов, чувствует, что пение и природа, и эти мужики, и он сам

пребывают в абсолютном единстве, гармонии, счастье, что в песне вздыхает *«каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное»* [5, с. 194]. Счастье это было в свободе, труде, слаженности и в том, что Россию они воспринимали как «общий дом», и обладали ее «сказочным богатством» и материнским заступничеством. Об этом Бунин пишет, используя лексику и приемы мифопоэтического языка русского фольклора:

«Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темницы, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные топи болотные, пески летучие – и прощал милосердный Бог за все пошвысты удалые, ножи острые, горячие...» [5, с. 196].

Гибель «сказочной страны» изображается как крушение целого мира симметрично его прежнему великолепию, в тех же мифологемах и образах, но с «обратным знаком»:

«Еще одно, говорю я, было в этой песне — это то, что хорошо знали и мы, и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие – и невозвратимые. Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскающие звери, разлетелись вещи птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению» [5, с. 196].

С помощью фольклорной образности Бунин увеличивает масштаб крушения до мифологического значения, что по степени ужаса очень близко к картинам ветхозаветной гибели целых семей, обществ, городов – гибели, которая происходит от Бога по грехам человеческим, когда настает «предел Божьему прощению». Мотив Божьего суда (прощения и наказания) крайне важен в бунинском понимании исторического процесса и самой революции, и проявляется он зачастую именно в ветхозаветных категориях и выражениях: *«В России была тогда такая мерзость библейская, такая тьма египетская, которых не было на земле с самого сотворения»*

мира» [4, с. 401]. Здесь следует перечислить основные библейские сюжеты и образы, к которым Бунин обращается столь часто в своем творчестве, особенно в эмигрантской публицистике: Всемирный потоп (Быт. 6–8), Вавилонское столпотворение (Быт. 11), Содом и Гоморра (Быт. 19), сон фараона (Быт. 41, 1–5), египетские казни (Исх. 7–12), история многострадального Иова (Иов.) и мн. др.

Мотив вечности, в которой прежде существовала и как будто осталась после своей гибели прекрасная бунинская Россия, занимает важнейшее место в рассказе «Несрочная весна» [5, с. 208–217]. На этот раз в центре внимания оказывается не крестьянская, но дворянская культура. Рассказ этот выполнен в форме письма эмигрировавшему другу. Автор письма, по словам самого автора, – «москвич, тонущий... в московском болоте» [4, с. 324], живущий в «противной» пореволюционной Москве (тон и эпитеты с семами «мерзости», внешнего уродства, относящиеся к Москве и советской России в целом, знакомы нам по «Окаянным дням» [3] и по бунинской публицистике [4]), предпринимает поездку к своему знакомому, который живет «в деревне в провинции» на даче неподалеку от «несказанно прекрасной» бывшей княжеской усадьбы XVIII века. Пребывание среди «красавцев-мертвецов с лазурными глазами» (имеются в виду родовые портреты хозяев усадьбы, которую осматривает рассказчик. – *Е. Д.*) [5, с. 215], в «солнечном царстве летних дней, бора и сказочно-спящего дворца» [5, с. 217] приводит одинокого, пострадавшего в чуждом ему советском мире героя к размышлениям о памяти и вечности, о подлинной и мнимой жизни. Несмотря на необратимость произошедшего, мир «навсегда» покинутой усадьбы, его хозяева, которые «ужасающе живы» для героя, не только остаются частью его подлинной, отошедшей в прошлое Родины, но и становятся, благодаря памяти и воображению, его единственно настоящей, действительной обителью. Название «Несрочная весна» взято из стихотворения Е. А. Баратынского «Запустение» 1832–1833 гг., цитируемого в конце рассказа:

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу...

Любовь к старинной изящности языка золотого века русской поэзии и цитирование ее образцов в художественной прозе как исходный пункт для размышлений (как и в «Косцах» – цитирование народной песни) – также очень характерная, специфическая черта творчества Бунина. Это то ценное, что он считает необходимым сохранить для вечности, поскольку только красота вечна и божественна. «Несрочная весна» демонстрирует нам то истинно религиозное чувство, которое Бунин испытывал к прекрасному. Мы видим, насколько справедливым является тезис В. Д. Агафоновой, что «основными критериями ценности тех или иных религиозных феноменов являются для Бунина их освящение глубоким прошлым и их красота в ее особом понимании писателем» [2, с. 8]. Заключительные строки рассказа возвращают нас к апокалиптическим, антибожественным пореволюционным картинам современной рассказчику действительности: *«Запустение, окружающее нас, неописуемо, развалинам и могилам нет конца и счета: что осталось нам, кроме “Летийских теней” и той “несрочной весны”, к которой так “убедительно” призывают они нас?»* [5, с. 217].

В рассказе «Под серпом и молотом» с подзаголовком «Из записей неизвестного» [10] (что говорит, как и в случае с «Несрочной весной», о генетической близости дневниковой формы и содержания этого произведения с «Окаянными днями») мы видим те же повествовательные приемы и лейтмотивы: повествователь, уже в пореволюционное время, также объезжает старинные русские места – усадьбы, имения, храмы, монастыри. Для рассказчика они являются святынями, обреченными на исчезновение в новой стране, и он с горечью заключает: *«Все еще Русь, Русь. Но уже на исходе, на исходе»* [10]. В финале рассказа повествователь обнаруживает в библиотеке одного имения стихотворение, которое натолкнуло его на следующие мысли: *«Потом смотрел другие книги: откуда и в них, в самый расцвет благосостояния, таких тонких и сильных вкусов к жизни, эти вечные стремления “К Богу и вечности”, эти горестно-возвышенные упрёки земле и человеку?»* [10]. Внимание героя направлено на поиск основ красоты и достоинства человеческой души, и ответ на этот поиск, по Бунину, заключается в «вечном стремлении “к Богу и вечности”» [10].

В рассказе-миниатюре «Слепой» [5, с. 235–236], события которого происходят уже не в России, а в эмиграции, Бунин также об-

ращается к теме истинных нравственных ценностей, говоря о нерушимом, единственно светлом и правильном взаимоотношении между людьми – о братстве (противоположности *братоубийства*). Здесь Бунин полемизирует с революционным лозунгом о равенстве, в основе которого лежит обманчивая идея любви к человечеству, но не к одному конкретному человеку, ближнему, брату. Подмена евангельской заповеди «возлюби ближнего своего, как самого себя» стремлением осчастливить *в равной степени* всех людей тем страшна, что тоже как будто говорит о любви, о сострадании. Но это не любовь, а гордыня. Согласно убеждению Бунина, вечно и прекрасно только братство – земной прообраз Царства Божия, которое человек должен носить всегда в своей душе, иначе мир погибнет.

Есть и рассказы-воспоминания, где о некоторых явлениях дореволюционной русской жизни Бунин размышляет как об истоках падения («Товарищ дозорный» [11], «Красный генерал» [12]). Данные рассказы повествуют непосредственно о революции и о судьбе тех, кто становился ее деятелем. Что интересно, оба рассказа имеют двухчастную структуру: первая часть – воспоминание рассказчика о дореволюционном прошлом героя, вторая же сталкивает читателя с ним уже во время революционных событий. Таким образом, между прошлым и настоящим выстраивается вполне определенная причинно-следственная связь.

Герой рассказа «Товарищ дозорный» [11] Костин в дореволюционных воспоминаниях рассказчика предстает как бездарный, глупый, пошлый, пустой и безликий человек, напоминающий Молчалина из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (описание поведения Костина напоминает молчалинское «пожалуйста списать»: *«И с утра до вечера, каждую свободную минуту, он чему-нибудь учился, неустанно обезьянничал: что ни увидит, что ни узнает, всему учится, всему подражает и всегда бесталанно, хотя и довольно точно»* [11]). Встреча рассказчика с красногвардейцем Костиным в революционное время оборачивается тем, что «товарищ» Костин (здесь опять проявляется бунинская ирония к обесцененному «советскому» слову), *извинившись*, ведет своего бывшего знакомого на расстрел, но рассказчику удаётся вырваться и убежать.

Ещё один большевистский деятель – бывший офицер из Дубровки, сосед повествователя в рассказе «Красный генерал» [12]. Его портрет Бунин также отмечает устойчивыми характеристиками

человека недостойного – бездарность, пошлость, праздность, запущенность, безнравственность, распутство, грязь. В рассказе подчеркнуто, что из-за такого хозяина начинается запустение и разруха в его усадьбе: *«А я, как видите, во всей усадьбе соло. **Распустил кабинет. Остался один работник, – анекдотический болван! Вообразил себя моим закадычным другом и по сему случаю пьянствует без просыпу. Вот и сейчас дрыхнет и угадывает, где? Вот за этой перегородкой! Терплю, – времена демократические! А все-таки и его придется прогнать. И вообще – ох, уж мне эти милые поселяне! Право, они только в оперетках хороши. Я с ними рос, я сам, можно сказать, на половину хам, полукровок, – ведь, как изволите знать, та раувре тере была всего-навсего беглая дворовая девка, – но, позвольте спросить, что у меня с ними общего? Хозяйство? Но какое к черту хозяйство при таком бамбуковом положении? Кроме того, лично для меня это совершенно сто двадцать пять букв китайской грамоты! Вы скажете, зачем же я в таком случае сижу на этом Чертовом Острове, почему не продолжаю служить? Но как служить, не имея средств? Быть в полку парием? – Да, но позвольте! Про лошадь-то вашу мы совсем забыли! Надо приказать дать ей корму...***

Я знаю, что корму нет, – есть только гнилая солома, которую Тамара все равно не станет есть, – и мне уже очень хочется уехать» [12].

Равенство, по Бунину, между хозяином и работником в данной ситуации заключается в недостойном поведении. Само политически окрашенное слово «равенство», как видно из других произведений Бунина, для него дискредитировано. Сосед из Дубровки впоследствии становится успешным «красным генералом», о чем рассказчик узнает из газет, которые он продает на улице в Константинополе. Здесь Бунин показывает трагедию распространенной для русского эмигранта участи: рассказчик в чужой стране оказался нищим. На примере Костина и «соседа из Дубровки» Бунин демонстрирует нравственный облик людей, которые пошли на службу большевикам.

Итак, если рассматривать реализацию поэтики апокалипсиса в «Окаянных днях» и перечисленных рассказах И. А. Бунина в контексте эсхатологии новозаветной книги Откровения Иоанна Богослова, то более всего бунинское описание революции соотно-

сится с фрагментами о временной и последней победе дьявольских сил перед наступлением вечного Царства Божия: *«И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные... И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем»* (Отк. 13, 1–7).

В речи «Миссия русской эмиграции» [4, с. 388–398] Бунин недвусмысленно использует апокалиптические имена богопротивных сил, называя большевистскую власть «Антихристом», «красной блудницей». Там же Бунин уверенно говорит о непреходящем «падении гнева Божия», ожидающем всех, причастных к революции. Таким образом, возникает сопоставление людей, не принимающих большевизм («лучшие русские души» – так Бунин называет их), с теми христианами, которые в Откровении называются «написанными в книге жизни» – избранными, достойными войти в Царство Божие за праведность, верность Богу, непринятие власти зверя. Таким образом, данная параллель, обнаженная в публицистическом произведении посредством цитат и аллюзий, в изученных нами художественных рассказах И. А. Бунина реализована на более глубоких уровнях – мотивном, сюжетном, образом, символическом.

Мотив особенной напряженности веры в свете постоянной близости Бога чрезвычайно важен для новозаветной эсхатологии. В момент страшнейших испытаний военных и революционных лет образ и опыт христианской стойкости перед лицом греха, мучений, смерти для верующего человека становился мобилизующей, доминантной моделью поведения. Такое самоощущение, видимо, было близко И. А. Бунину. Однако уверенность в правильности своей позиции – «исхода» из советской России – в рассуждениях Бунина не нейтрализует чувства вины и личной ответственности за происходящее и за свою душу, столь важные для духовного пути христианина.

Заключение

Итогом данного исследования изображения революции в упомянутых рассказах И. А. Бунина 1920-х гг. можно считать следующее: творчество и мировоззрение писателя на уровне глубинном, не поверхностном, связано с русским православным христианством, его культурой и историей. Наступление XX века – с точки зрения верующего человека, эпохи явно безбожной, незаконной и как никогда раньше смертоносной – в данной системе нравственных ориентиров закономерно требовало осмысления в библейских категориях и мифологемах. В рассказах И. А. Бунина сопоставление событий и лиц революционного времени с библейскими сюжетами и нравственными императивами приводит к неутешительным заключениям: прежняя Россия представляется поруганной и навсегда потерянной святыней, новая Россия – царством антихриста.

Однозначность негативного, апокалиптического значения революционных событий как времени гнева Божия и человеческого служения дьяволу, осмысленных Буниным в библейских образах и христианских нравственных категориях, на страницах рассмотренных произведений не обретает эмоционально равновесного эсхатологического упования на «новое небо и новую землю» – Царство Божие. Тем не менее в художественном мире И. А. Бунина постоянно присутствует напряжённый, горестный и порой радостный поиск Его «отсветов» и «осколков» на земле, в святости и красоте достойных людей и вечной природы, что может быть признано косвенным свидетельством надежды на преображение и утешение в Воскресении вопреки страху царствующей на земле смерти.

Список литературы

1. Дынич Е. М., священник. Восприятие революции в прозе И. А. Бунина (на материале книги «Окаянные дни»): библейский контекст / священник Евгений Михайлович Дынич. – DOI: 10/51216/2687-072X_2022_3_164. EDN: TZMROT // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 164–179.

2. Агафонова, В. Д. Библейско-христианская проблематика в творчестве И. А. Бунина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

наук / Агафонова Виктория Дмитриевна ; Институт мировой литературы им. М. А. Горького. – Москва, 2009. – 28 с.

3. *Бунин, И. А.* Собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / И. А. Бунин. – Москва : Воскресенье, 2006. – ISBN 5-88528-491-1. – 488 с.

4. *Бунин, И. А.* Собрание сочинений. В 13 т. Т. 8 / И. А. Бунин. – Москва : Воскресенье, 2006. – ISBN 5-88528-497-0. – 548 с.

5. *Бунин, И. А.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4 / И. А. Бунин. – Москва : Воскресенье, 2006. – ISBN 5-88528-484-9. – 536 с.

6. *Крюкова, М. И.* «Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский) / М. И. Крюкова. – DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2100-107. EDN: RMMCQJ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 100–107.

7. *Агафонова, В. Д.* К проблеме «Бунин и русские символисты»: «Творец нового мира» в рассказе И. А. Бунина «Безумный художник» / В. Д. Агафонова. – EDN: VMFYJN // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 22. – С. 44–51.

8. *Скрипникова, Т. И.* Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И. А. Бунина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Скрипникова Татьяна Ивановна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008. – 24 с.

9. *Урюпин И. С.* «Косцы» И. А. Бунина и «Косари» С. С. Бехтеева: плач об утраченной родине / И. С. Урюпин. – EDN: RWUCEQ // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 218–223.

10. *Бунин, И. А.* Под серпом и молотом : из записей неизвестного / И. А. Бунин // И. А. Бунин (Bunin.org.ru) : сайт. – URL: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/pod-serpom-i-molotom.htm> (дата обращения: 26.03.2023).

11. *Бунин, И. А.* Товарищ дозорный / И. А. Бунин // И. А. Бунин (Bunin.org.ru) : сайт. – URL: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/tovarish-dozorniy.htm> (дата обращения: 26.03.2023).

12. *Бунин, И. А.* Красный генерал : рассказ / И. А. Бунин // И. А. Бунин (Bunin.org.ru) : сайт. – URL: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/krasniy-general.htm> (дата обращения: 26.03.2023).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023.

Статья поступила после рецензирования 31.03.2023.

Статья принята к публикации 03.04.2023.

UDC 82-32; 23/28

**THE IMAGE OF THE REVOLUTION
IN I. A. BUNIN'S PROSE IN RESPECT
OF THE ASPECT OF CHRISTIAN
SPIRITUAL CULTURE (BASED
ON SELECTED STORIES OF THE 1920S)**

Evgeny Dynich, Priest
PhD Student
Department of Philology
Moscow Theological Academy
Trinity Sergius Lavra, Sergiev Posad
141300 Moscow Region
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

For citation: Dynich E.M., priest The image of the revolution in I.A. Bunin's prose in respect of the aspect of Christian Spiritual culture (based on selected stories of the 1920s) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_227. EDN: HLREQY // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 2 (23). FROM. 227–247 pp. (in Russian)

Abstract

The article is concerned with the study of the revolution perception in I. A. Bunin's prose in the biblical context. I.A. Bunin's short stories created in the 1920s, which became the artistic embodiment of the writer's reflections on the Russian revolution, were studied by the author. In fiction, as well as in journalistic works about the Russian revolution, I.A. Bunin uses basic elements of Christian verbal culture: biblical and liturgical allusions and quotations. In this regard, descriptive, motive, stylistic and mythological methods of research were applied in this work. A comparative analysis of thematically related stories and philosophical and journalistic works of I. A. Bunin was carried out.

As a result of the study, it is shown that the biblical context of the studied works sets a scale for understanding revolutionary events as part of Sacred History – the history of man's relationship with God. The present historical moment is perceived as a crisis: in the portraits of the characters in the studied

short stories, various manifestations of the spiritual illness of a person at the turn of the 19th–20th centuries can be traced. The main features of this disease (egocentrism, unbelief, mediocrity, cruelty, madness, rationalism) coincide with the picture presented in the Cursed Days and complement it. The same applies to the positive side of worldview, namely Bunin's ideals of beauty and human dignity: descriptions of beautiful nature, architecture, and people occupy an important place in his stories, often coinciding in emotional tone and form with diary entries.

The study demonstrates how I.A. Bunin's stories correlate with his philosophical and journalistic works about the revolution in the ideological and figurative spheres. It is revealed that the ethical and aesthetic constants of I.A. Bunin's works are undergoing a transformation in terms of expression within the framework of other artistic forms of prose, however, in essence, remain the same.

Keywords: I. A. Bunin; short stories; prose of the 1920s; Russian revolution; biblical context; Christian tradition in Russian literature.

References

1. Dynich E.M., Priest Vospriyatie revolyutsii v proze I.A. Bunina (na material knigi "Okayannye dni"): bibleiskii kontekst [Perception of the revolution in I.A. Bunin's prose (based on the material of the book "Cursed Days"): biblical context]. DOI: 10/51216/2687-072X_2022_3_164. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 164–179. (In Russian).

2. Agafonova V.D. *Bibleisko-khristianskaya problematika v tvorchestve I.A. Bunina. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Biblical-Christian problems in I.A. Bunin's works. Abstr. of cand. sci. diss.]. Moscow, 2009, 28 p. (In Russian).

3. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, vol. 6, 488 p. (In Russian).

4. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, vol. 8, 548 p. (In Russian).

5. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, vol. 4, 536 p. (In Russian).

6. Kryukova M.I. "Apokalepticheskie" ekfrasisy (I. Bunin – A. Grin – B. Yul'sky) ["Apocalyptic" ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yul'sky)]. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2100-107. *Vestnik Nivosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2022, vol. 21, no. 2, pp. 100–107. (In Russian).

7. Agafonova V.D. К проблеме “Bunin i russkie simvolisty”: “Tvorets novogo mira” v rasskaze I.A. Bunina “Bezumniy khudozhnik” [On the problem of “Bunin and Russian Symbolists”: “The Creator of the New World” in I.A. Bunin’s story “The Mad Artist”]. *Kul’tura. Dukhovnosr’. Obshchestvo*. [Culture. Spirituality. Society]. 2016, no. 22, pp. 44–51. (In Russian).

8. Skripnikova T.I. *Dukhovno-religioznaya problematika i ee khudozhestvennoe voploshchenie v “krestianskoi proze” I.A. Bunina. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Spiritual and religious issues and its artistic embodiment in the “peasant prose” of I.A. Bunin. Abstr. of cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2008, 24 p. (In Russian).

9. Uryupin I.S. “Kostsy” I.A. Bunina i “Kosari” S.S. Bekhteeva: plach’ ob utrachennoi rodine [“Mowers” by I.A. Bunin and “Mowers” by S.S. Bekhteev: mourning for the lost homeland]. *Sibirsky filologichesky zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2015, no. 2, pp. 218–223. (In Russian).

10. Bunin I.A. *Pod serpom i molotom: iz zapisei neizvestnogo* [Under the hammer and sickle: from the records of the unknown]. (In Russian). Available at: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/pod-serpom-i-molotom.htm> (accessed: 03/26/2023).

11. Bunin I.A. *Tovarishch dozorniy* [Comrade sentinel]. (In Russian). Available at: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/tovarish-dozorniy.htm> (accessed: 26.03.2023).

12. Bunin I.A. *Krasny general* [Red General]. (In Russian). Available: <http://www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/krasniy-general.htm> (accessed: 26.03.2023).

Received 14 February 2023.

Reviewed 31 March 2023.

Accepted for press 03 April 2023.